

ТВОРЧЕСТВО Е.П. РОСТОПЧИНОЙ И К.К. ПАВЛОВОЙ В РЕЦЕНЗИИ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ XIX – НАЧАЛА XX в.

Анализируются отзывы русских писателей и критиков XIX – начала XX в. на сборники «Стихотворения графини Е. Ростопчиной» (1841), «Стихотворения К. Павловой» (1863) и на двухтомное Собрание сочинений К. Павловой, изданное под редакцией В.Я. Брюсова (1915). Внимание авторов сосредоточено на проблематике рецензий И.В. Киреевского, Б.А. Грифцова, Ю.И. Айхенвальда, В.Ф. Перверзева, Ю.А. Веселовского, В.Ф. Ходасевича, С.Р. Эрнста. Предметом специального рассмотрения оказывается феномен женской поэзии в русской литературе XIX – первой половины XX в.

Ключевые слова: женщины-писательницы; поэзия; проза; критика; издательское дело; литературный процесс.

Творчество двух известных русских поэтесс и авторов прозаических романов и повестей Е.П. Ростопчиной (1811–1858) и К.К. Павловой (1807–1893) неоднократно становилось предметом эстетической рефлексии в русской литературе XIX – начала XX в. Среди критиков XIX в., писавших об их творчестве, следует назвать В.Г. Белинского, П.А. Плетнева, С.П. Шевырева, И.И. Панаева, К.С. Аксакова, А.В. Дружинина. Так, Белинский в рецензии на сборник «Стихотворения графини Е. Ростопчиной», вышедший в 1841 г., отмечает «поэтическую прелесть» и «высокий талант» ее дарования, отличительными чертами которого являются «наклонность к рассуждениям и светскость» [1. С. 6]. Плетнев видит синтетизм поэзии Ростопчиной в том, что она «не чуждается ничего земного и сочувствует всему небесному» [2. С. 8]. Шевырев, рецензируя сборник, говорит о том, что стихотворения Ростопчиной «представляют по большей части поэтические размышления о разных впечатлениях женской души» [3. С. 179]. О бытовых и литературных взаимоотношениях с Павловой подробно рассказывает в своих воспоминаниях Панаев [4. С. 211–216]. К. Аксаков одним из первых дал высокую оценку стихотворным переводам Павловой, назвав их не «поэтическими», а «художественными» [5. С. 140].

Впервые о женской литературе как об особом социокультурном явлении русской жизни 1830-х гг. пишет И.В. Киреевский в статье «О русских писательницах». Эта статья была напечатана в женском альманахе «Подарок бедным. Альманах на 1834 г., изданный Новороссийским обществом призрения бедных», вышедшем в Одессе. В ней появление женского альманаха рассматривается как «дело истинно просвещенное», которое замечательно «не только в нравственном отношении, но и в общественном» [6. С. 65]. Важнейшей особенностью женского мироощущения, по мнению критика, является особая органичность мысли и чувства, истина, соединенная с «сердечным убеждением». Эстетическая природа женского творчества видится автором в тесной взаимосвязи жизни и литературы, в преломлении «истинно поэтических минут из жизни некоторых женщин с талантом» «в их зеркальных стихах» [6. С. 68]. Сам феномен «зеркальности» по отношению к женской литературе призван передать ее камерность, дневниковую тональность, автопсихологический характер, узнаваемые биографические детали сюжета. В статье Киреевского речь идет о женщинах, авторах альманаха «Подарок бедным», среди которых Е.П. Ростопчина, З.А. Волконская (1789–1862), рано умершая Е.Б. Кульман (1808–1825), Н.С. Теплова (1814–1848) и

ее сестра С.С. Теплова (1815–1861), Е.А. Тимашева (1798–1881), А.И. Готовцева (1799–1871), А.Д. Абамелек (1814–1889), М.Б. Даргомыжская (1788–1851), М.А. Лисицына (1810–1842), К.К. Яниш (Павлова) др. Говоря о творчестве Ростопчиной, Киреевский называет ее стихи «счастливыми», а переводы из сборника Яниш «Северное сияние» («Das Nordlicht») считает превосходящими «все известные до сих пор с русского на какие бы то ни было языки» [6. С. 73–74]. Статья Киреевского, помещенная в этом издании, имеет характерный подзаголовок «Письмо к Анне Петровне Зонтаг». В самой форме статьи-письма, адресованного ближайшей родственнице и одновременно известной писательнице, присутствуют те же камерные интонации, те же автобиографические черты, которые свойственны и женской литературе. В этом смысле данная статья оказывается эстетически органичной и женскому альманаху как типу издания, и творчеству представленных в нем авторов.

Понимание И.В. Киреевским значения женской литературы в русском историко-культурном процессе 1830-х гг. его высокая оценка поэзии Ростопчиной и Павловой воспринимаются уже как анахронизм в эпоху 1860-х гг. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин в статье, явившейся откликом на сборник «Стихотворения К. Павловой» (1863), видит главный недостаток творчества Павловой в незначительности его содержания. Называя ее поэзию «мотыльковой», «мотыльково-чижиковой», автор имеет в виду несоответствие содержания и формы, которое раскрывается через «стихотворное применение приятных манер к случайно встречающимся на пути предметам» [7. С. 311].

Смерть Ростопчиной в 1858 г. и переезд Павловой в Германию в том же году приводят к почти полному забвению их имен в русской литературе последней трети XIX в. Возрождение же интереса к их творчеству приходится уже на эпоху Серебряного века русской культуры. Как известно, второе открытие поэзии Павловой для русского читателя связано с именем В.Я. Брюсова. В 1903 г. в иллюстрированном литературном журнале «Новые сочинения», издававшемся в Санкт-Петербурге И.И. Ясинским (до 1903 г. «Ежемесячные сочинения»), Брюсов опубликовал материалы для биографии Павловой. Позднее они были дополнены автором и включены в двухтомное собрание ее сочинений, вышедшее под редакцией Брюсова и И.М. Брюсовой в 1915 г. Написанные в жанре портрета-очерка творчества [8. С. 183], эти материалы послужили основой не только для комментариев Брюсова к отдельным произведениям Павловой, но и для создания

им объемного биографического и критико-библиографического текста русской поэзии XIX в., в который можно включить такие его известные статьи о творчестве А.С. Пушкина, как «Гаврилиада» и «Медный всадник», а также статьи «Мировоззрения Баратынского», «Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества», «А.А. Фет. Искусство или жизнь», «К.К. Случевский. Поэт противоречий» и др. По мнению современного исследователя русской критики А.П. Казаркина, все эти публикации непосредственно соотносятся с формированием эстетики жизнотворчества в поэзии и прозе Брюсова, а также с осмыслением тайны мастерства, с созданием поэтической мифологии и культа поэта в русском символизме 1900–1910-х гг. [9. С. 82]. В материалах для биографии Брюсов высоко оценивает переводческую деятельность Павловой, отмечает ее пристальное внимание к поэтической технике, влияние на ее поэзию немецких романтиков, ее интерес к славянофильским идеям, подробно останавливается на личных и творческих взаимоотношениях Павловой с Мицкевичем, Баратынским, Языковым, К. Аксаковым, И. Киреевским, Ал. Толстым [10. С. 12, 22, 29]. Оценивая роль Брюсова в возрождении интереса к традициям русской поэзии в первые десятилетия XX в., в том числе и к творчеству Павловой, А. Белый не случайно назвал его поэтом, «рукоположенным лучшим прошлым», вернувшем нам поэзию отечественную [11. С. 392, 395].

Издание собрания сочинений Павловой под редакцией Брюсова стало фактом русской литературы 1910-х гг. и вызвало многочисленные отклики. Один из них – статья Б.А. Грифцова «Каролина Павлова», появившаяся в журнале «Русская мысль» в 1915 г. В ней автор попытался охарактеризовать важнейшие особенности поэтики Павловой. Свообразие художественного мироощущения поэтессы, по мнению этого известного литературоведа и переводчика, заключается в «оригинальной мелодии и мысли, неотъемлемой от самой мысли», и в «тонкости ощущений», соединенной с глубиной «метафизической печали». Критик подчеркивает, что поэтические и прозаические произведения Павловой особым образом синтезируют в себе «мир чувств» и «мир мыслей», передают «непосредственное ощущение мыслей и абстрагированный, но напряженно переживаемый аспект личных чувств» [12. С. 11, 12]. Высоко оцениваются автором статьи и переводы Павловой, образно-лексическая природа которых открывает читателю мир, «пограничный между умственной и сердечной областями» [12. С. 12]. Автор статьи особое внимание уделяет роману в стихах и прозе «Двойная жизнь» (1848). Это произведение, по мнению Грифцова, является наиболее репрезентативным в ее творчестве Павловой и представляет собой синтез поэтических и прозаических экспериментов автора.

Другая публикация, связанная с этим собранием сочинений, – рецензия, принадлежащая известному издателю и критику П.П. Перцову (1868–1947), который, как известно, был близок к кругу символистов и состоял в переписке с Брюсовым. В этой рецензии с характерным названием «Поэтическая тень» и сама личность Павловой, и ее творчество рассматриваются как не очень отчетливая тень пушкинской и славянофильской Москвы, старого московского романтизма и тогдашне-

го малого, слегка простодушного, слегка сентиментального «стихотворчества», неотделимого от наивного желания рифмовать. Поэзия Павловой воспринимается автором в контексте русской философской лирики Е.А. Баратынского и Ф.И. Тютчева. Не случайно он пишет о том, что в лучших стихах Павловой «веет что-то тютчевское – что было вообще в воздухе той эпохи» [13. С. 9, 10]. Говоря о полноте представленных в этом двухтомнике сочинений поэтессы и комментариев Брюсова к ним, Перцов все-таки считает нужным отметить, что для таких «меньших божеств» в литературе, как Павлова, с ее «мило-нескладным “дилетантизмом”», вполне можно было бы ограничиться изданием ее избранных произведений.

Известный переводчик и критик-импрессионист эпохи Серебряного века Ю.И. Айхенвальд (1872–1928) также посвятил одну из своих статей выходу в свет двухтомного Собрания сочинений Павловой. Обосновывая свой метод «имманентной критики», когда исследователь «органически сопричащается» художественному творению и «всегда держится внутри, а не вне его», Айхенвальд видит эстетическое своеобразие поэзии Павловой в углубленном ощущении «двойственности жизни», в присутствии в ней эмпирического и идеального начал, «внешних узоров дней» и «сокровенной содержательности духа» [14. С. 21, 151]. Признавая иррациональный, мистический характер художественного творчества, критик говорит о том, что каждый поэт – это мессия, который прежде всего стремится передать в стихах свою внутреннюю биографию. Во внутренней биографии Павловой преобладают элегические мотивы, которые неотделимы от светлой печали и любви. Характерно, что само противопоставление стихов и прозы в творчестве Павловой, по мнению автора, имеет не только эстетический, но и аксиологический смысл. Критик пишет: «...все возвышенное и серьезное она должна выражать непременно стихами, а не прозой... <...> Оттого на ее страницах вполне ощутителен переход прозы в стихи» [14. С. 151–152]. В целом же оригинальность оценки Айхенвальдом творчества Павловой, у которой есть «своя нота, своя мелодия» и особенный «женский лиризм», и его концепция русской литературы XIX в. связаны преимущественно с экзистенциальным интересом критика к личности писателя, к его «неуловимой душе» и сближают его с идеями русской персоналистической философии [14. С. 5].

Противоположная, социологическая, оценка сочинений Павловой связана с именем известного критика, впоследствии основателя одного из направлений в советском литературоведении В.Ф. Переверзева (1882–1968). Понимая искусство как «яркий пример определяющего влияния среды на талант», критик называет Павлову «салонной поэтессой», поэзия которой «не выходит за стены светского салона, питается исключительно его интересами и по справедливости может быть названа салонной поэзией» [15. С. 186]. Исходя из этого «базового» определения, Переверзев не усматривает в поэзии Павловой никакого глубокого содержания, видя в ней лишь искусство «чистой формы». Отмечая высокое владение поэтессой техникой стиха, критик среди всех ее произведений выделяет роман «Двойная жизнь», написанный одновременно и прозой,

и стихами, «сообразно с тем, о прозаической или поэтической стороне жизни идет повествование». Отказывая поэзии Павловой в глубокой содержательности, автор завершает свою статью утверждением о том, что со стороны формы ее творчество «не лишено богатства и изящества» [15. С. 188].

По-иному оценивается творчество Павловой и Ростопчиной писателями и критиками других направлений в русском литературоведении первой четверти XIX в. Так, один из представителей культурно-исторической школы, известный поэт, переводчик и критик Ю.А. Веселовский (1872–1919) посвятил одну из своих статей творчеству Ростопчиной. Ее Поэзию автор относит к области «чистой лирики» и рассматривает как «поэтическую летопись» внутренней жизни автора. В соответствии со своей методологией главную прелесть творчества Ростопчиной критик видит в «безумной», беспокойной душе ее героини, «любящей грезы больше, чем действительность», «неудовлетворенной и страстно рвущейся к чему-то далекому» [16. С. 8, 20]. Этот образ «грезающей души» в стихотворениях поэтессы позволяет передать не только живую летопись «сердца и чувства» автора, но и органично вписать ее творчество в контекст русской поэзии 1830–1850-х гг. В своей работе критик полемизирует с Белинским, который первым назвал бальную залу основным топом в поэзии Ростопчиной. Для Веселовского же великосветская жизнь графини неотделима от ее высокого положения в обществе, а сложное отношение к свету ярче всего выражено в ее стихотворениях и прозаических повестях.

Еще одним автором эпохи Серебряного века, размышлявшим об особенностях женской поэзии и о творчестве Ростопчиной, является В.Ф. Ходасевич. В статье «Графиня Е.П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1915 г., он рассматривает ее поэзию с точки зрения единства жизни и литературы, единства биографического и поэтического начал. Отмечая, что творчество Ростопчиной «никогда не подчиняло действительного мира творимому» [17. С. 218], он тем не менее считает нужным подчеркнуть, что сама ее жизнь, запечатленная в поэзии, во многом похожа на роман. Эстетическую основу этой жизни-романа составляло преображенное единство женщины и поэта, сплав женского мировосприятия с художественным началом. Ходасевич пишет: «...поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай *бытия* вырастал из корней *быта*» [17. С. 225]. По мнению автора статьи, поэзия Ростопчиной воспринимается текстуально как романс, очарование которого «столько же слагается из прекрасного, сколько из изысканно безвкусного» [17. С. 231]. В этой эстетически продуктивной дуальности романа и романса, жизни как романа и творчества как романса и видится Ходасевичу проявление «женского» начала в поэзии Ростопчиной.

Специальная статья Ходасевича посвящена анализу «женской поэзии» как особого направления в русской литературе XIX – первой трети XX в. Это статья «Женские стихи», напечатанная в парижской газете «Возрождение» 25 июня 1931 г. Главная эстетическая особенность «женской» поэзии видится автору в преобладании непосредственности личных переживаний, ин-

тимных чувств и слабом владении приемами литературного мастерства, размытостью литературного канона. Первой и самой яркой представительницей этого направления в русской литературе автор считает Ростопчину, «женскости» поэзии которой противопоставлена «мужественность» поэзии Павловой. Те же особенности отмечает Ходасевич и в творчестве современных ему поэтесс: И.Н. Кнорринг (1906–1943), Е.В. Бакуниной (1900–1976), М.М. Шапской (1891–1952). И только в творчестве А.А. Ахматовой возникает подлинный синтез («женской» поэзии и поэзии в точном смысле слова» [17. С. 579]. В этой же статье Ходасевич обосновывает эстетическое различие между стихотворной и поэтической речью. Он пишет: «*Стихотворная* речь не всегда значит *поэтическая*... <...> Поэзия требует установления особой, чисто литературной связи, достигаемой столь же специальными, литературными способами воздействия». И поэт должен подчинять свое творчество правилам «поэтического ремесла», «иначе пребудет оно дневником, исповедью, молитвой – но не поэзией» [17. С. 578]. В этом смысле «женская» литература, с точки зрения Ходасевича, почти всегда балансирует между «стихами» и «поэзией», между бытовой жизнью и подлинным искусством. Можно сказать, что «женское» творчество, в понимании Ходасевича, становится скорее фактом литературного быта, «домашней» поэзии, «стихотворной» эстетики.

Особый интерес в плане сравнения творчества Павловой и Ростопчиной представляет статья известного критика и искусствоведа С.Р. Эрнста (1984–1980), напечатанная в журнале «Русский библиофил» за 1916 г. В ней автор рассматривает творчество обеих поэтесс в контексте истории русской поэзии XIX–XX вв. Важнейшая особенность стихотворений Павловой, по мнению Эрнста, видится в том, что в них странным образом соединены «прекрасный холод размера» с «глубоким лирическим волнением», неудовимо одушевляющим ее поэтические строки [18. С. 16]. Основные темы и мотивы поэзии Павловой «роковая благодать» искусства, томление души, мотив «двойной жизни» сближают ее с высокой меланхолией Байрона и ее русской «ассимиляцией», органично представленной в лирике Баратынского. В этой связи можно говорить об особом характере лиризма в поэзии Павловой, который можно было бы определить как элегический, медитативный лиризм. Если Каролина Павлова интересна читателю преимущественно со стороны своей поэтической жизни, то графиня Ростопчина, как считает Эрнст, привлекает внимание прежде всего как выдающаяся женщина своего времени. Многие ее произведения являются «летописью ее богатой жизни, ума и сердца», составляют «единственный в русской поэзии цикл интимной, женской, может быть, даже “домашней” поэзии» [18. С. 23, 24]. Отсюда лиризм произведений Ростопчиной – это лиризм дневникового, исповедального типа.

Итак, обращение к рецепции творчества Ростопчиной и Павловой в эпоху XIX – начала XX в. позволяет говорить о внутреннем единстве русского литературного процесса. Это единство, по мнению Перцова, осмысливается через развитие традиций русской философской поэзии в творчестве Баратынского, Тютчева, Павловой, которое затем получает развитие в лирике поэтов Сереб-

ряного века, в частности Блока и Ходасевича. Единство русского литературного процесса XIX – начала XX в., как считают Брюсов и Ходасевич, состоит и в развитии философии жизнестроительства, представленной в творчестве Ростопчиной, Павловой и в эстетике русских символистов. Наконец, можно говорить и об единстве методологических установок русской литературной критики, связанной, в частности, с именами Белинского, Салтыкова-Щедрина и Переверзева.

Вопрос о феномене женской поэзии, ставший предметом эстетического осмысления И. Киреевского,

находит свое продолжение в статьях Айхенвальда, Ходасевича и Эрнста. Критики отмечают особый «женский лиризм» поэзии Павловой, противопоставляют «женскость» поэзии Ростопчиной «мужественности» поэзии Павловой, а сам феномен женской поэзии рассматривают как факт литературного быта, «домашней» поэзии, «стихотворной» эстетики. При оценке творчества этих двух поэтесс в центре внимания оказывается и вопрос о соотношении поэзии и прозы, представленный как в общеэстетическом, так и в историко-литературном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Стихотворения графини Е. Ростопчиной. Часть 1 // Отечественные записки. 1841. Т. XVIII, № 9. Раздел VI. Библиографическая хроника.
2. *Плетнев П.А.* Новости русской литературы. Стихотворения графини Е.П. Ростопчиной // Современник. 1841. Т. XXII, № 2.
3. *Шевырев С.П.* Стихотворения графини Е. Ростопчиной // Москвитянин. 1841. Ч. IV. № 7.
4. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
5. *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981.
6. *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений : в 2 т. М., 1911. Т. 2.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Стихотворения К. Павловой // Современник. 1863. Т. ХСVI, № 6.
8. *Крылов В.Н.* Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань, 2005.
9. *Казаркин А.П.* Русская литературная критика XX века. Томск, 2004.
10. *Брюсов В.Я.* Материалы для биографии Каролины Павловой // Павлова К. Собрание сочинений : в 2 т. М., 1915. Т. 1.
11. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994.
12. *Грифцов Б.А.* Каролина Павлова // Русская мысль. 1915. Кн. XI.
13. *Перцов П.* Поэтическая тень // Новое время. 1915. 24 октября (6 ноября).
14. *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
15. *Переверзев В.* Салонная поэтесса (По поводу собрания сочинений К. Павловой) // Современный мир. 1915. № 12.
16. *Веселовский Ю.* Эпюды по русской и иностранной литературе. М., 1912. Т. 1.
17. *Ходасевич В.* Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991.
18. *Эрнст С.* Каролина Павлова и гр. Евдокия Ростопчина // Русский библиофил. 1916. № 6. Октябрь.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 апреля 2012 г.